

### **III. РЕНЕГАТЫ – АНТИКОММУНИСТЫ И АНТИСОВЕТЧИКИ**

#### **1. М. ГОРБАЧЕВ И ПЕРЕСТРОЙКА**

Историю творят не только народные массы, но и отдельные личности, в особенности государственные и политические деятели. Руководствуясь определенной идеологией, философией, политическим мышлением, они пытаются кроить общественную жизнь по своему, оставляя свой след в истории. Наш народ хранит в памяти бесчисленное количество имен национальных деятелей, каждый из которых своей позитивной или негативной деятельностью напоминает о себе и сегодня.

Свою роль в истории сыграл и М. С. Горбачев. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г., он оказался политическим и духовным банкротом после распада Советского Союза в декабре 1991 г. Имя Горбачева связывают с провозглашенными принципами перестройки – с гласностью и демократией. Благодаря этому ему на первых порах симпатизировали не только народы нашей страны, но и мировое сообщество. За короткий промежуток времени Горбачев оказался в центре внимания общественной мысли. Однако вскоре выяснились декларативность, непоследовательность и противоречивость политической доктрины Горбачева, что не могло не привести к ухудшению и без того непростого положения Советского Союза. Инициатор перестройки оказался недалеким пророком и исцелителем. Он так и не смог прийти к пониманию сущности и причин кризиса. В конечном итоге он оказался у разбитого корыта.

До сих пор никто не может дать удовлетворительного ответа, каким образом Горбачев оказался на вершине пирамиды власти. Такой вопрос мне задал в Ереване в 1989 г. посол США в СССР Джек Ф. Мэтлок. Мне кажется, это случилось благодаря стечению ряда обстоятельств. За время брежневского правления состав Политбюро резко постарел. Кончина трех генсеков в течение двух с половиной лет вызвала серьезную обеспокоенность у широкой общественности страны. С этим нельзя было не считаться. Среди молодых сил в Политбюро выделялся Горбачев. Он был энергичен, говорлив, встречался с членами Политбюро в неофициальной обстановке,

общаясь с ними еще в Ставропольском крае, где находились всесоюзные здравницы. Он казался приемлемым для старых членов Политбюро, которые, очевидно, думали, что его можно будет держать «в узде».

Личность политического деятеля определяется прежде всего его компетентностью, последовательностью мысли и своевременностью в постановке и решении тех или иных безотлагательных проблем. Этих качеств у Горбачева не хватало. Самая богатая страна продолжала катиться по наклонной плоскости. Он не способен был осознать всю глубину кризисного положения государства, понять реальные пути преобразования социально-политической и особенно экономической жизни Союза. Ему хотелось обновить общество и спасти советский строй, но одного желания было мало.

Горбачев оказался непроницательным человеком в трактовке национального вопроса. Его компетентность в осмыслении диалектики национальных отношений была явно недостаточной. Он всяческими путями откладывал решение назревших проблем, которые неминуемо вели к межнациональным столкновениям.

Политика Горбачева потерпела фиаско в том числе и потому, что ему не доставало политической воли при урегулировании межнациональных конфликтов. Каждый раз он колебался и опаздывал, каждый раз вынужден был уступать, но только тогда, когда уже было поздно и уступка теряла свою значимость. Горбачев так до конца и не захотел (или не смог) понять сущность и трагизм карабахского вопроса, осознать всю глубину пагубности политики державного шовинизма по отношению к национальным меньшинствам в союзных республиках.

В этой связи вспоминаются слова известного кинорежиссера Станислава Говорухина, сказанные им в одном из его интервью в июле 1993 года: «У Горбачева была возможность сделать нашу страну и народ счастливыми, а он сделал нас несчастными. Когда произошел Сумгаит, весь мир должен был понять, что произошло. После Сумгаита, когда он не сделал ничего, пальцем не пошевелил и дал бацилле развиваться, он совершил предательство народов, государства».

Вслед за хрущевской, антисталинской оттепелью – перестроечная кампания Горбачева не выдержала исторического испытания. Нерешительность, политический конформизм Горбачева сослужили недобрую службу стране.

В то же время под началом Горбачева в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 года были записаны с моим участием соответствующие действительности слова: «В автономной области на протяжении длительного времени не решались многие вопросы, затрагивающие национальные интересы ар-

минского населения, особенно в сфере культуры, образования, в кадровой политике. Нарушались конституционные права автономной области. Все эти негативные явления не только вовремя не устранялись, но и накапливались». И удивительно, что человек, разделяющий эти формулировки, был столь нерешителен в своих действиях. Хотя помню сказанные тогда же им мне слова: «Сурен, не забывая, мне приходится отвечать за всю страну, а это заставляет меня придерживаться осторожности и взвешенности». Говорил он мне и такое: «Карабахское движение – это нож в спину перестройки».

Главное для политического деятеля – уметь оценивать реальную политическую обстановку, видеть ее такой, какая она есть, но не такой, какой хочется ее видеть. У Горбачева этой способности не было, что особенно наглядно проявилось в ходе карабахского кризиса: Горбачев просто не хотел видеть обстановку и реальные процессы в их подлинности. Отсюда – попытки решить проблему недуманными призывами к народам Армении и Азербайджана, бесконечными заседаниями, совещаниями, постановлениями, полумерами. Из потока информации он выбирал лишь то, что ему импонировало. Он обладал способностью ворохом фраз похоронить любое начинание, любую инициативу. Горбачев не столько убеждал, сколько заговаривал.

Генсек идеологическими и политическими иллюзиями обманул и себя, и большую часть населения страны. Своими утопиями он завел страну в тупик. Уверен, что смысл перестройки не был понят и самим автором. Все великие политики (Ленин, Сталин, Ш. де Голль, Черчилль, Рузвельт), когда это диктовалось общенациональными интересами, могли идти в политической жизни против течения, вопреки ошибочному мнению большинства, в конечном итоге доказывали свою историческую правоту. Горбачев не обладал этими качествами. Он был рабом политической конъюнктуры, постоянно приспособливался, жертвуя истиной. Он с одинаковым успехом мог действовать как по своим убеждениям, так и вопреки им. Он стремился оставаться на плаву даже тогда, когда под его руководством держава катилась в пропасть. Делались неуклюжие попытки выдавить стихийные, неуправляемые процессы в обществе за разумные, необходимые, диктуемые высшими интересами страны.

Конечно же, в этот период обществу нужен был глубокий мыслитель, глобальный политик, теоретик и практик, способный осмыслить настоящее и будущее страны. Нужен был человек ленинского масштаба.

Горбачеву так и не хватило мужества признаться – все, что произошло в стране, произошло вопреки его воле. С единственной целью сохранить свой имидж государственного деятеля он пытается убедить, что якобы все происшедшее предвидел и предусмотрел.

Убежден, что аморально во имя того, чтобы сохранить свое лицо в истории, исказить действительность и реалии прошлых лет. Хотя можно понять, когда потерпевший неудачу, подобно Горбачеву, государственный деятель начинает сражаться за место в истории.

Когда Горбачев пришел к власти, страна располагала огромным экономическим, научным и интеллектуальным потенциалом. В нашей стране, как и в любом государстве, были свои сложные проблемы. Да, проблемы у нас были, но были и реальные возможности для их решения, не ввергая страну в хаос и потрясения. Однако Горбачева съедал какой-то перестроечный зуд, очень уж он хотел быстро и триумфально въехать в историю и добился этого, но с совершенно обратным эффектом. Попытки же представить разрушение великой страны как прогрессивный процесс перехода от тоталитарного режима к демократии не что иное, как цинизм. Этот процесс принес потрясения и страдания миллионам людей.

Запад быстро раскусил открывающиеся новые возможности в борьбе с СССР, хорошо понимая, что непродуманные реформы при слабой власти перерастают в социальные столкновения, восстания, контрреволюции.

У меня сложилось впечатление, в том числе и от встреч с ним, что, придя к власти после Брежнева, Андропова, Черненко, людей больных и физически не готовых на заключительном этапе жизни к исполнению своих обязанностей, Горбачев почувствовал себя титаном, у него просто закружилась голова.

Власть стала терять авторитет, общество разлагаться. Потеряв опору в КПСС, Горбачев решил искать опору своей личной власти в Советах. Затем, потеряв опору и в Советах, придумал себе пост президента. Однажды при встрече он меня спросил, как я смотрю на введение поста президента в СССР. Я ему ответил, что с введением поста президента он берет на себя еще большую ответственность за судьбы страны. Но было ясно, что решение для себя он уже принял.

В стране созревали силы, которые не принимали социализм и выжидали момент, чтобы его сокрушить. Ослабление власти в период перестройки привело страну к социальным противостояниям, национальным конфликтам. Фактически началась борьба за собственность, передел территорий, перераспределение благ. Пошли столкновения на национальной, социальной и бытовой почве, породившие произвол и террор, своеволие и самосуд. Новоявленные «вожди» стали подстрекать улицу к антиобщественным действиям, перераставшим в разного рода конфликты. Перестройка открыла каналы для антинародных элементов.

Высшая власть тех лет стала главной виновницей гибели людей, пролитой крови, миллионов беженцев, того, что люди огромной страны лишились своей Родины – Советского Союза.

Страна подвергалась постоянному психологическому давлению из-за рубежа, жила под идеологическим натиском. Использовались любые внутренние и внешние неудачи СССР, чтобы его скомпрометировать. Просчеты в строительстве социализма, догматизм в проведении внутренней и внешней политики давали обильную пищу для формирования неприязни к СССР. Перестройка расколола общество на своих и чужих, белых и красных, разделила народы границами и таможенями. Имущие стали сверхимущими, а бедные – обездоленными. Национальные богатства стали распределяться не по труду, а по криминальному капиталу. Под маской «демократов» в политическую жизнь страны включились силы, выползшие из теневой экономики. Они рвались к власти на демагогических лозунгах. На арену активной политики вышли авантюристы, дельцы, люди, далекие от национальных интересов и преследующие свои узкогрупповые, эгоистические интересы

У меня сложилось впечатление, что Горбачева устраивала «демократия» любого толка, лишь бы она была в рамках его вождизма.

С 1989 года положение в стране стало резко ухудшаться. Менялось настроение у людей. Именно в это время я довольно часто встречался с Горбачевым. Помимо разговоров о Нагорном Карабахе, сложной ситуации в Закавказье, об обострении армяно-азербайджанских отношений, мы касались и вопросов, связанных с драматической обстановкой в стране в целом. Я чувствовал, как ему больно и тяжело говорить об этом. Он понимал, что в вопросах демократизации и гласности мы зашли слишком далеко, что вело к анархии, к неуправляемости в обществе. Не следует ли остановиться и принять действенные меры по стабилизации и укреплению государства, говорил я ему. Иначе нас ожидает непредсказуемое будущее, нас может затянуть в пропасть.

Казалось, он чувствовал ситуацию, лицо его выражало некоторое смятение. Он вновь и вновь повторял фразу: «Сурен, у меня назад дороги нет». Горбачев полагал, что всякое отступление, возврат назад для него как политика и государственного деятеля смерти подобно. Ясно было, на это он пойти не способен. В то же время я ничего не слышал от него о конструктивной программе действий, о подходах и соображениях по выходу из сложившегося положения. И складывалось впечатление, что мы катимся с горы неизвестно куда. Такое, конечно же, пугало и рождало настроение неуверенности.

Вспоминаю заседания Политбюро ЦК КПСС. Сидя на этих многочасовых заседаниях, я невольно приходил к выводу, что высшее руководство не имело ясных и конкретных представлений о путях дальнейшего развития страны. Высшая партийная власть все боль-

ше слабела, что и позволило в последующем развалить не только руководящие структуры КПСС, но и само государство.

В последних встречах Горбачев напоминал мне летчика в тумане, потерявшего ориентиры и направление движения. Он был ослеплен зарубежными рукоплесканиями и явно терял способность адекватно оценивать действительное положение дел в стране. Я же все более осознавал, что наши пути расходятся, мои жизненные идеалы рушатся, страна идет к краху. Приостановить этот процесс в Армении также было невозможно. Именно тогда я пришел к выводу, что мне надо уходить с поста первого секретаря Компартии Армении. Другого выхода на тот момент я не видел.

2008